

Антиохии); я лежал в палатке с моим господином Вильгельмом Пестром, и блаженный Андрей предстал опять предо мной вместе с тем же спутником и в той же одежде, как я видел прежде, и говорил мне: “Почему ты не сказал, что я тебе велел объявить епископу, графу и прочим?” Я отвечал: “Разве я не просил тебя, владыко, послать вместо меня другого, более умного, и которого бы выслушали? Кроме того, турки владеют всей дорогой и убивают всех проходящих”. И св. Андрей говорил: “Не бойся, они тебе не сделают зла. Ты скажешь еще графу, что, когда он прибудет к Иордану, пусть он не купается в нем, но переплывет в лодке; и после того, оставаясь в рубашке и полотняных исподних, пусть прикажет облить себя водой реки: когда же белье высохнет, он должен его снять и хранить вместе с Господним кошем”. Мой господин, Вильгельм Петр слышал эти слова, хотя и не видел апостола. Уверенный, таким образом, в безопасности я возвратился в армию, и когда хотел передать все случившееся, то не мог найти вас всех вместе. Так я отправился в гавань Мамисту; там, когда я хотел отплыть за съестными припасами к острову Кипру, блаженный Андрей обратился снова ко мне с величайшими угрозами, если я не вернусь немедленно и не донесу о том, что он предписывает. Я раздумывал, как бы вернуться в лагерь, а гавань отстояла от нашей армии около трех дней пути; не видя никаких средств возвратиться, я горько заплакал. После того, по приглашению своих спутников и моего господина, я сел на корабль и мы поехали к Кипру; шлепя целый день до заката солнца с помощью ветра и на веслах, мы встретились с бурей, и в один или два часа очутились в гавани, из которой отплыли. Там я подвергся тяжкой болезни. Когда же Антиохия была взята, я пошел к вам, и теперь, если желаете, поверьте в мои слова».

Епископ думал, что это были только одни слова, но граф (Тулузский) тотчас поверил и поручил того, кто рассказывал, заботам своего капеллана, Раймунда (то есть нашего автора).

В следующую ночь сам Господь Иисус Христос явился одному известному священ-

нику по имени Стефан, оплакивавшему смерть свою и своих товарищей, которая казалась ему близкой и неизбежной; он был напуган людьми, рассказывавшими, что они видели, как турки спускались с горы в город, победив паших и обратив их в бегство. Вследствие того священник, желая умереть перед лицом Бога, вошел в церковь блаженной Марии Приснодевы, исповдался, получил отпущение и начал петь псалмы вместе со своими товарищами. Другие уснули, а он один бодрствовал, и когда он произнес: «Господи, кто наследит твои кущи, или кто опочит на твоей святой горе» (Псал. VI, 1), какой-то человек, красоты, превосходящей всякую другую красоту, явился перед ним и сказал: «Послушай, какой это народ вступил в город?» И священник отвечал: «Христиане». «Какие христиане?» – продолжал тот. На это священник говорил: «Люди, верующие во Христа, рожденного Девой, который пострадал на кресте, умер, был погребен, воскрес в третий день и вознесся на небо». Тогда неизвестный спросил: «Если они христиане, то почему же они боятся этого множества язычников? – и присоединил к тому: Узнаешь ли меня?» Священник отвечал: «Я не знаю тебя, но вижу, что ты красивее всех». Тогда неизвестный промолвил: «Посмотри на меня пристально». Священник, взглянув на него со всем вниманием, заметил, что над его головой поднялся крест, превосходящий блеском само солнце, и потому отвечал ему: «Мы называем изображениями Господа нашего Иисуса Христа те образа, которые походят на тебя». На это тот сказал: «Ты прав: это – я. Не о мне ли сказано, что я всемогущий Господь, Господь сильный в брани? А кто начальник вашей армии?» Священник отвечал: «Господи, мы никогда не имели одного начальника, но больше доверяем епископу». И Господь сказал: «Скажи епископу: этот народ своим дурным поведением удалил Меня от себя, и потому объяви ему: вот что говорит Господь: обратитесь ко Мне, и Я возвратюсь к вам. И когда они вступят в бой, то пусть говорят: наши враги собрались и кичатся в своем могуществе; истреби и рассей их силы, Господи, ибо ничто не защитит нас, кроме Тебя, о Боже